

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

А.Б. Баллаев

«История философии в формате статьи» (М.: Культурная революция, 2016. Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая)

Баллаев Андрей Борисович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: andre44@inbox.ru

В рецензии рассматривается сборник работ, в котором содержится анализ жанра историко-философской статьи, а также публикуются несколько историко-философских эссе в качестве примеров и иллюстраций ранее проведенного исследования. Отмечается тематическое и содержательное разнообразие материалов сборника, как в первой, так и во второй его части. В сборнике представлено системное, многостороннее освещение заявленной темы, причем некоторые работы обладают особой теоретической значимостью. Таковы тексты Н.В. Мотрошиловой и Э.Ю. Соловьева.

Ключевые слова: история философии, статья, жанр

Когда авторов много, равноценного и единого текста получиться не может. Что-то сильнее и лучше, а что-то и слабее. В книге две части, первая – о жанре историко-философской статьи, а вторая – «примеры» подобных статей. (О русской философии, персидской средневековой традиции и современном ницшеведении, преимущественно немецком.) Вполне естественно, что первая часть книги, представленная известными и уважаемыми в философской публике авторами, более интересна и где-то даже вызывает удивление – как свежестью проблематики, так и оригинальностью подходов к ее освещению.

Нужно еще предварительно добавить, что в подтексте, а то и в прямых высказываниях авторов звучит некий «глас протеста» против проходящих ныне реформ отечественной науки. Эти реформы, собственно, почти никто и не принял, особенно в многострадальной сфере наук гуманитарных. Но они проводятся, и чуть ли не силовыми методами, а надо жить! Одно из новых требований и нормативов, прямо касающихся «куска хлеба» и без того нищих гуманитариев, – это обязательное количество статей, желательно в иностранных изданиях. Отсюда и интерес к форме научной статьи как таковой. В общем, учитеесь писать статьи хотя бы в англо-саксонских традициях, авось кто-то напечатает!

Близко к почтенному жанру *«советы постороннего»* выдержана работа М.Ф. Быковой «О журнальной статье, ее роли и значении в философии», открывающая книгу. Она информативна и объективна, особенно в отношении работы с журнальной продукцией в американском философском мейнстриме. Автор, находясь в США, знает это не понаслышке и старается рассказать обо всем «без гнева и пристрастия», отметить все плюсы и минусы, и получается вполне убедительно. Если заокеанское деле-

ние всяческой философии на «свою» и «континентальную» автор анализирует четко и объективно, то американские оценки «континентальной философии» ей более чужды, и потому о них сказано поменьше и осторожнее. В самом деле, как бы Марина Быкова, одна из ведущих специалистов-гегелеведов в стране, приняла характеристики «континентальной философии» как близкой к литературной беллетристике? Далекой от стандартов рациональной доказательности, чуждой понятийной строгости и т. п.? А как относиться к порицанию того, что философские тексты европейской выделки нуждаются во внимательном изучении и самостоятельном продумывании, чтобы достичь их понимания? Еще Гегель удивлялся тому, что англичане принимают за философию, а это так и осталось. Уж молчу о том, что структура статей, практически обязательная в американских философских журналах, идентична шаблону школьных сочинений. Да и в целом объективное описание журнальных обычаев в заокеанской державе претендует на роль дополнения-приложения к сочинениям типа «Одномерного человека» незабвенного Герберта Маркузе, хотя М. Быкова вряд ли желала такого применения.

Вообще вся эта книга об историко-философских статьях как бы «держится» на двух работах, авторы которых уже вошли во «время мудрецов». Когда нечего бояться и не о ком жалеть, и сказать можно просто все, что хочется. Неля Васильевна Мотрошилова пользуется этим правом с академической вежливостью, что вовсе не мешает ей воздать должное современным менеджерам-администраторам «от науки», все силы прилагаящим, дабы оную науку «уконтрапупить». Жанр работы – все-таки речь идет об историко-философских статьях – не дает автору простора для более адекватных оценок деятельности реформаторов. Тут надобен Салтыков-Шедрин, эпос города Глупова! «Въехал в город на белом коне и упразднил науки!» Впрочем, не все так страшно.

Наиболее привлекательное в работе Н.В. Мотрошиловой состоит в анализе статейного «золотого запаса» мировой философии и истории философии в частности. Здесь нельзя без Канта и Гегеля. Кантовская статья о Просвещении и «Кто мыслит абстрактно» Гегеля – материал достойнейший, а их совмещение в одной комментаторской работе смотрится органичнее, чем вековое противопоставление этих мыслителей. Срабатывает принцип дополнительности, кантовский просвещенный человек уж никак не подходит под гегелевскую квалификацию «абстрактно мыслящих», иначе – невежд и обывателей. Автор с очевидной любовью пишет о великих мужах философского пантеона, и, мнится, эта любовь передается и читателю.

В этой работе, здесь кратко разбираемой, содержание богаче, чем рецензент в состоянии проанализировать. В самом деле, в тексте, написанном Н.В. Мотрошиловой, речь идет о многих вещах: о соотношении журнальной продукции и фундаментальных монографий, журналов и сборников философских статей, о лучших номерах и отдельных публикациях в «Вопросах философии», к каковым автор относит известную «тройственную статью» и т. д. Многое из сказанного Нелей Васильевной следовало бы рассматривать отдельно и не торопясь, не в куцей рецензии.

Тема книги – «журнальная публикация» – побуждает авторов, немало потрудившихся на этой галере, так или иначе обращаться к собственному опыту. Мемуарные мотивы, относительно слабые в тексте Н.В. Мотрошиловой, в полный голос звучат у Э.Ю. Соловьева. Вплоть до того, что сам автор упоминает о своем «учительском бахвальстве». Ну, это, конечно, «шутка юмора», но воспоминания маститого автора хотя не заполняют всего содержания текста, сами по себе уместны и рациональны. Текст же, названный «История философии в регистре публицистики», интересен во многих отношениях. В некотором смысле автор прописывает историю «подцензурного диссидентства», чем занимались или чем страдали многие шестидесятники. Набор имен и идей известен, хотя «репортаж с места событий» представляет особый интерес. К сожалению, во всем этом течении или движении, выражавшем тогда настроения довольно значительных «масс интеллигенции», причудливо сочетались

вполне «аборигенные», идущие от социально-культурных реалий идейные импульсы с очевидным влиянием «проклятого Запада», фатальным для «социализма с русской спецификой» отнюдь не в одной сфере философии. Не только всеупомянутый в тексте Ю.В. Андропов в 1984 г. справедливо признавался, что не знает («Мы не знаем!») общества, в котором живет. То же самое могли бы сказать о себе и протестовавшие против политического и идеологического диктата «подцензурные диссиденты», не разумевшие своей вторичности хотя бы относительно почти доступного в те времена родимого «Голоса Америки». Ох, многое еще можно было бы сказать по этому грустному поводу, хотя было и прошло, и слава богу!

Я бы заметил, что определенное влияние работ Э.Ю. Соловьева, включая все последние, объясняется не столько свежестью идей (правовое государство, Кант во всех видах, этическая составляющая, «иномыслие» и т. д.), сколько изяществом и образностью писательского стиля, тонкостью историко-философского анализа, «лица необщим выражением» среди, что скрывать, изрядной академической дубоватости множества философских текстов. Поэтому его работы будут читать и впредь, а он имеет моральное право говорить о «регистре публицистики» применительно к историко-философским статьям – преимущественно своим собственным.

Работы А.А. Кара-Мурзы и Ю.В. Синеокой различны тематически и содержательно. А.А. Кара-Мурза предлагает и тем самым легитимирует жанр «философское краеведение» в его статейном варианте. Получается хорошо, поскольку у этого жанра имеются существенные «бытийственные» предпосылки. Все-таки худо-бедно, но в мире есть традиция создания домов-музеев, достигающая иногда высот «мест поклонения», как Ясная Поляна или Михайловское. Отчего бы места, связанные с жизнью почитаемых или просто известных мыслителей, хотя бы наших, отечественных, не наделить такой «второй жизнью»? Это предполагает и знание, и исследование всего, что память и разум сохранили об ушедшем. Особнячок Чадаева, Башня на Таврической, Караул Чичериных – первое, что пришло в голову, но уж точно не последнее, о чем можно и нужно писать. История философии как гуманитарная научная дисциплина от этого только выиграет. Кстати добавить, что работа А.А. Кара-Мурзы, небольшая по объему, написана образцово в стилистическом отношении, а дуб Филимон просто трогателен. Отличная статья!

Серьезнейшая тема трансляции философского знания у Ю.В. Синеокой, и автор с ней вполне справляется. Но мне думается, что актуальность подобной тематики со временем пойдет на убыль благодаря простому техническому прогрессу. Уже сейчас имеются авторы, у которых каждое их устное слово, даже весьма глупое, тут же вывешивается в ЮТЮбе, а сетевые издания дают печатные варианты. Мне кажется, что вскоре каждый философствующий индивид заведет себе свой личный сайт-блог-журнал для собственной статейной или иной продукции, отсылать оную куда-то для тройной анонимной экспертизы будет не столь привлекательно. Но в статье Ю.В. Синеокой имеется очень оптимистическая констатация, примиряющая с «действительностью» не хуже Гегеля. Оказывается, в мире почти каждый город-страна-околоток уже обзавелся университетом, издаются тысячи философских журналов, а сколько студентов учится на философских факультетах? Прорыв – прорыв и есть, а чего ждать, если не будет третьей мировой? Конечно, имеется и давняя специфика «массовой профессии», но, возможно, не в Кёнигсберге, а где-то в «джунглях Лапландии» уже родился или учится в местном университете новый Кант? Дай ему бог всего лучшего!

Однако в прекрасной статье Ю.В. Синеокой некоторые пассажи хотелось бы уточнить. Ну, справедливо, что западные журналы неохотно принимают продукцию отечественного философствования. Достаточное ли это основание для признания «себя и нас» провинциалами, а тех, кто нас не хочет печатать, – кем? Жителями интеллектуальной философской столицы, абстрактного Запада? Все-таки констатации «обыденного обихода» часто самоуничижительны. Я где-то читал об истории фило-

софских контактов Франция–Германия, там обе стороны грустили по поводу своей провинциальности, а я предполагаю, что и некоторым самодовольным англосаксам схожие настроения не чужды. Конкуренция, дух соревновательности, спортивное отношение к собственной сфере деятельности – все это человеческое, может, и слишком человеческое, но, кажется, наша традиция и здесь предполагает рефлексию или хотя бы попытку преодоления «низких страстей» в философском отношении к безумной реальности?

Что касается второго раздела книги, где собраны историко-философские эссе, то оные весьма неравноценны, и неясно, чем этот жанр отличен от обычной статьи по истории философии. Во всяком случае, работа А.Г. Жаворонкова об изучении наследия Ницше в Германии представляет собой обстоятельный обзор, полезный не только «ницшеведам», но и менее продвинутой в этом отношении философствующей массе. Конечно, Ницше – уникальный по многим параметрам философ, да и человек с далекой от обычных стандартов судьбой. Но его творческое наследие, ставши уже безвозвратно «достоянием доцента», почти ничем не отличается от любого иного. Всякое «ведение» (кроме, возможно, осторожного и ничего не написавшего Сократа) преимущественно сводится к изучению оставшихся от классика текстов, реконструкциям и интерпретациям комментаторов. Автор статьи («эссе») где-то почти подходит к сравнительному анализу различных “X – Studien”, но Ницше его удерживает в своей колее. А жаль, было бы интересно.

Работа О.А. Жуковой об В.Ф. Эрне также полезна как «напоминание» о почти забытом русском философе, никак не могущем претендовать на «эрноведение», но все-таки имеющем билет на свое место в шеренге Бердяевых-Булгаковых и прочих. Статья серьезна, насколько позволяет ее жанр, почти биографический. Но есть одно обстоятельство, которое взывает к тому, чтобы о нем вспомнили. Все-таки чем «меньше» философ, тем сильнее его восприимчивость к текущей повседневности, к «пыли времени» или, проще сказать, к внешним воздействиям, откуда и тяга к публицистике. А бедному Эрну пришлось жить в кровавом начале проклятого XX в., и давление этих обстоятельств было куда как брутальным, не зря он и умер столь рано. Нельзя сказать, что автор статьи об этих сторонах дела не знает или умалчивает. Но сказано об этом кратко и без особого углубления в тему. Ну, пользуется автор словами «Серебряный век» – а что это, клише, понятие или идеологема? Они с Эрном припилены другу к другу, как бабочка к булавке, и все. Хочется анализа и покруче, поглубже, потоньше!

О статье А.Н. Круглова много не скажешь, поскольку она совершенно справедлива. В самом деле, и в переводах, и в способах цитирования классиков немало «ляпов», вплоть до совершенно анекдотических, кои приведены как примеры у автора статьи. Ну, где же и ждать призыва к культуре историко-философского дискурса, как не в работе о тех обидах и несправедливостях, кои претерпел Гегель от отечественного гегелеведения? (Для подключения автору маленькой дозы самокритичности укажем, что на странице 145 рецензируемой книги у него в «перечень французских имен» попадает вполне вроде бы английский Спенсер – который Герберт. Но это так, пустяки.)

Я не могу быть адекватным «оценщиком» работы Ю.Е. Федоровой по неуважительной причине собственного тупого европоцентризма, здесь нужно быть специалистом. Напротив, о работе юниоров из МГУ судить несложно. Их эссе говорит о творческом задоре молодых людей, от них можно ждать лучших результатов в «написании статей», хотя бы и по проблематике «социологии философии» (кстати, весьма сомнительной). Пока этот результат не слишком интересен сам по себе, по стилистике изложения частично типовой “Sturm und Drang”, по содержанию же – прелюдия к стандартной академической карьере. И потом, какие советы-рекомендации дают молодые люди своим несчастным наставникам? Ввести в обучающие стандарты больше письменных работ, писать эссе, как в университетах дорогой их сердцу за-

океанской метрополии! Хочется спросить – а без обязательки и отметок что мешает писать эти самые эссе? Пиши, не стесняйся, кто-то и ознакомится, а если гуманист, то и проанализирует полученный результат.

В общем, я рад, что удалось прочесть эту книгу (тираж 400 экземпляров, позорище!), и уверен, что она доставит удовольствие и принесет пользу любому из ее читателей.

**Book Review: History of Philosophy in the Form of an Article
(Moscow: Cultural Revolution Publ., 2016. Ed. Julia Sineokaya)**

Andrey Ballaev

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gontcharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: andre44@inbox.ru

This review examines a collective work analyzing the genre of articles on the history of philosophy and several essays as examples and illustrations of the research carried out. The work's contents are diverse in themes and matter, both in its first and second parts. The result is a consistent and comprehensive presentation of the subject declared, with some of the articles, such as the texts by N.V. Motroshilova and E.Yu. Soloviev, being of particular theoretical value.

Keywords: history of philosophy, article, genre